

УДК 343.2

DOI: 10.34670/AR.2026.58.81.074

Особенности правовой природы системы уголовных наказаний для несовершеннолетних

Косарева Александра Александровна

Аспирант,
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России),
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1;
e-mail: sashaveros@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется правовая природа уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним. Критикуется подход, сводящий их к простому набору изъятий из общей системы наказаний. На основе системного подхода, признающего дуализм статической и динамической проекций наказания, обосновывается, что нормы об ответственности несовершеннолетних формируют автономную функциональную подсистему. Ее ключевым системообразующим признаком выступает приоритет воспитательно-ресоциализационной функции над карательной. Данный теоретический вывод подкрепляется анализом эмпирических данных судебной статистики, а также историческим опытом, демонстрирующим риски и вероятность того, что исправительная функция может оставаться декларацией. Утверждается, что признание автономии подсистемы уголовных наказаний для несовершеннолетних является необходимой предпосылкой для дальнейшей дифференциации мер уголовно-правового воздействия и смены критериев оценки ее эффективности. Автономия выступает «правовым амортизатором», который сдерживает карательный уклон, а ее укрепление требует собственных институтов, включая особый порядок досрочного снятия судимости и механизмы «забвения» информации о ней.

Для цитирования в научных исследованиях

Косарева А.А. Особенности правовой природы системы уголовных наказаний для несовершеннолетних // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 611-618. DOI: 10.34670/AR.2026.58.81.074

Ключевые слова

Несовершеннолетние, уголовное наказание, система наказаний, автономная подсистема, ресоциализация, судебная статистика.

Введение

Актуальность избранной темы определяется отнюдь не только ее теоретической глубиной. Современная уголовная политика в отношении подростков демонстрирует тревожный парадокс: абсолютные цифры преступности несовершеннолетних последовательно снижаются, однако интенсивность репрессивного воздействия на них неуклонно растет.

Достаточно указать, что доля реального лишения свободы среди осужденных несовершеннолетних увеличилась с 16,1% в 2016 году до 18,6% в 2024 году, а сроки изоляции становятся все более длительными – в 2024 году уже 73,5% приговоренных к лишению свободы подростков получили срок свыше двух лет. Практика явно дрейфует в сторону карательной парадигмы, что противоречит как международным стандартам, так и отечественной доктринальной традиции.

В таких условиях принципиально важно вернуться к фундаментальному вопросу: чем же по своей юридической природе является совокупность уголовно-правовых средств, применяемых к несовершеннолетним, – механическим набором изъятий из общей системы либо самостоятельным, качественно своеобразным образованием? Ответ на него имеет не отвлеченное, а сугубо прикладное значение, ведь только признание автономии этой подсистемы способно дать надежный теоретический фундамент для углубления дифференциации и индивидуализации мер уголовно-правового воздействия.

Основная часть

В доктрине уголовного права в целом преодолен упрощенный «перечневый» взгляд на систему наказаний, сводящий ее к исчерпывающему списку, закрепленному в ст. 44 УК РФ. Уже в работах Н.Ф. Кузнецовой акцентировались целостность и структурная сложность системы как «целостного множества видов наказания и подсистем» [Кузнецова, 1999, с. 24]. С.Ф. Милюков подчеркивал динамический аспект – взаимозаменяемость и взаимосвязь элементов, обеспечивающие достижение целей, указанных в ст. 43 УК РФ [Милюков, 1998, с. 7]. Ф.Р. Сундуров и В.А. Якушин существенно расширили перечень системных признаков, включив в них социальную обусловленность, иерархичность и формальную определенность [Уголовное право России. Общая часть, 2003, с. 396; Якушин, 2007, с. 241-245].

В.Н. Орлов обосновал, что система наказаний не может быть понята исключительно как статичная нормативная модель, поскольку она функционирует во времени, порождая правовые последствия и требуя анализа ее «жизнеспособности, надежности и эффективности» [Орлов, 2015, с. 197-235]. К.А. Сыч, представивший уголовное наказание как динамический «процесс наказывания», разворачивающийся от законодательного установления до реального исполнения [Новиков, 2010]. Именно этот дуализм – наличие статической (нормативной) и динамической (функциональной) проекций – как представляется, должен являться отправной точкой для современных исследований.

Когда же речь заходит о концептуальном понимании наказаний, применяемых к несовершеннолетним, единства в науке по-прежнему нет. И.А. Подройкина, детально разработавшая теорию построения системы наказаний, фактически отказывает совокупности норм об ответственности несовершеннолетних в самостоятельности, полагая, что ст. 88 УК РФ лишь «описывает изъятия по применению системы уголовных наказаний для несовершеннолетних, что не превращает их в самостоятельную (усеченную или

дополнительную) систему» [Подройкина, 2017, с. 234-235]. Близкую позицию занимает Р.В. Новиков, определяющий соответствующие нормы как «совокупность ограничений» [Новиков, 2010, с. 16]. На первый взгляд, такой взгляд подкупает своей формальной строгостью: в ст. 44 УК РФ дан единый перечень, а в ст. 88 – лишь особенности его применения. Но подобный подход упускает из виду главное – возникновение у совокупности элементов нового системного качества, несводимого к сумме частей.

Е.С. Киселева, посвятившая системе наказаний несовершеннолетних специальное исследование, уже признает ее подсистемой общей системы, однако одновременно утверждает, что она «сформирована по остаточному принципу путем исключения... и установления пониженных сроков или размеров» [Киселева, 2018, с. 12–13]. В этом и кроется внутреннее противоречие: подсистема фактически выделяется, но ее генезис описывается в логике механического усечения, а не органического конструирования.

Представляется, что действительная природа явления может быть раскрыта лишь через категорию «возникающей автономии». Система наказаний несовершеннолетних не просто уже общей – она обладает принципиально иным системообразующим признаком, который перестраивает всю внутреннюю архитектуру.

Для общей системы наказаний иерархия выстраивается по нарастающей строгости, по карательному потенциалу. В подсистеме же для несовершеннолетних доминантой становится воспитательно-ресоциализационная функция, и именно она переформатирует иерархию элементов. На первый план выдвигаются наказания, не связанные с изоляцией от общества, не столько как «более мягкие», сколько как обладающие наибольшим ресоциализационным потенциалом. Иными словами, один и тот же элемент (например, обязательные работы) в общей и в ювенальной системах занимает разное функциональное место: в первом случае это практически нижняя ступень карательной лестницы, во втором – приоритетное средство воспитательного воздействия.

Этот теоретический постулат находит прямое и весьма наглядное эмпирическое подтверждение. Сравнительный анализ судебной статистики за 2022-2025 гг. обнаруживает статистический парадокс, который невозможно объяснить с позиций универсальной карательной логики. Несовершеннолетние значительно чаще взрослых осуждаются за тяжкие и особо тяжкие преступления: доля таких деяний в структуре их преступности составляет порядка 63%, тогда как у взрослых – лишь около 31%.

Казалось бы, при прочих равных это должно влечь и более интенсивную репрессию. Однако фактически реальное лишение свободы применяется к подросткам заметно реже: в 2022-2025 гг. доля осужденных к реальному лишению свободы несовершеннолетних колебалась от 17% до 19%, а среди взрослых аналогичный показатель составлял 28,5-30% [Данные судебной статистики, 2026].

Наказания, не связанные с изоляцией, несовершеннолетним назначаются примерно в 82% случаев, в то время как взрослым – в 71%. Иными словами, вопреки большей степени тяжести содеянного, карательная реакция системы на несовершеннолетнего оказывается мягче, причем эта закономерность носит устойчивый характер.

Подобный «антирепрессивный» формат не может быть объяснен случайностью или простым «смягчением». Он свидетельствует о работе целостного механизма, в котором тяжесть преступления перестает быть абсолютным детерминантом наказания, а решающее значение приобретают данные о личности, условиях жизни, уровне психического развития, влиянии старших – то есть та специфическая обратная связь, которая закреплена в ст. 89 УК РФ и не

имеет аналогов в общей системе наказаний в столь развернутом виде.

Здесь наглядно проявляется двойственная природа самой подсистемы наказаний. Статичная часть представляет собой лишь перечень наказаний. Подлинное содержание ей придает динамическая сторона: обязанность суда глубоко изучать личность подростка, условия его жизни, влияние взрослых. Именно эта динамика превращает формальный список наказаний в работающий механизм исправления. Без нее подсистема мгновенно вырождается в простое механическое снижение сроков и утрачивает свою особую природу. Поэтому устойчивое расхождение между тяжестью преступлений и строгостью наказаний нельзя считать случайностью. Это прямое доказательство того, что здесь действует автономный контур со рядом своих внутренних правил.

Исторический опыт российского уголовного права подтверждает эту закономерность. Всякий раз, когда воспитательные механизмы сворачивались, а ставка делалась на формальное смягчение, система теряла устойчивость и сравнительно быстро откатывалась к репрессивным проявлениям. Достаточно вспомнить, как в середине 1930-х годов были одномоментно ликвидированы комиссии по делам несовершеннолетних, возраст ответственности снизили до двенадцати лет, а специфические меры воздействия заменили общими наказаниями. Результатом стал резкий рост криминализации подростков при полном отсутствии реального исправительного эффекта. Этот пример наглядно показывает: статичная норма, лишенная динамической инфраструктуры, неизбежно превращается в инструмент подавления, а не исправления.

Еще одним системным свойством, подчеркивающим автономию исследуемой подсистемы, является ее глубокая интеграция с принудительными мерами воспитательного воздействия. В общей системе наказания и иные меры уголовно-правового характера существуют во многом параллельно. Применительно же к несовершеннолетним они образуют единый «нормативный контекст», где назначение наказания и освобождение от него с применением воспитательных мер суть не взаимоисключающие, а взаимодополняющие стратегии, объединенные общим целевым вектором – ресоциализацией несовершеннолетних и предупредительным воздействием. Наказание и воспитательная мера оказываются своего рода «сообщающимися сосудами», что качественно меняет как процесс принятия судебного решения, так и последующее исполнение назначенной меры.

Изложенное позволяет сформулировать несколько значимых выводов. Прежде всего, признание системы наказаний несовершеннолетних автономной функциональной подсистемой – не схоластический спор о терминах, а методологический «ключ». Он открывает возможность законодателю и правоприменителю осознанно конструировать и применять меры воздействия, руководствуясь не логикой изъятий и смягчений, а позитивной логикой воспитательного целеполагания. На этой основе может быть поставлен вопрос о создании полноценного блока норм, включающего не только усеченный перечень, но и собственные институты замены наказания, условно-досрочного освобождения, погашения судимости, которые сегодня остаются во многом унифицированными со взрослыми, что неоправданно.

Но одной законодательной обособленности недостаточно. Без специализированной инфраструктуры (подготовленных психологов, социальных работников, воспитательных центров, а в идеале и ювенальных судов) самая совершенная нормативная конструкция останется неработающей декларацией. Именно дефицит такой инфраструктуры во многом объясняет, почему закрепленные в законе воспитательные меры до сих пор уступают место привычному условному или реальному лишению свободы. Судья попросту лишен действенных

альтернатив, и система откатывается к тому единственному инструменту, который, как говорится, «всегда под рукой».

И дело не в абстрактном гуманизме, а в логике самой системы: если главная цель состоит в возвращении подростка к нормальной жизни, то каждый институт должен работать именно на это [Восканян, 2021]. Например, условно-досрочное освобождение нельзя сводить к формальному отбытию части срока наказания. Необходимо проверять, произошли ли реальные личностные изменения. Без такой перенастройки любые прогрессивные нормы рискуют остаться лишь фасадом, за которым продолжит действовать привычная карательная практика.

Не меньшее значение для автономии подсистемы имеет и блок вопросов, связанных с судимостью. Сегодня для несовершеннолетних предусмотрены особые, сокращенные сроки ее погашения, а возможность досрочного снятия действует через общую, очень абстрактную и неконкретизированную, норму. Однако подросток меняется куда быстрее взрослого, и даже усеченные сроки часто запаздывают, не поспевая за реальным исправлением. Нужен более подвижный, детализированный специальный порядок досрочного снятия судимости именно для несовершеннолетних, который позволял бы суду оценивать действительные перемены в личности и поведении.

Но и этого недостаточно. Даже после формального снятия или погашения судимости ее след продолжает оставаться в базах данных, в выдаваемых справках, в информационных запросах. Подросток, давно оставивший прошлое, тащит его шлейф во взрослую жизнь. Без механизма «забвения», то есть сокращенных сроков хранения сведений о судимости в ГИАЦ МВД России и исключения упоминаний о ней из официальных справок по истечении разумного периода или при досрочном снятии, все предшествующие воспитательные усилия рискуют быть перечеркнутыми многолетней стигматизацией, которая сама по себе провоцирует рецидив.

Не менее важно и то, что меняется сам подход к оценке эффективности: на смену традиционным показателям вроде доли лишения свободы или среднего срока должны прийти качественные индикаторы – действительная ресоциализация, возвращение к учебе, отсутствие рецидива в долгосрочном периоде.

Проведенный анализ высвечивает и более глубокий, неочевидный смысл. Система наказаний несовершеннолетних выполняет роль своеобразного «правового амортизатора»: она гасит карательный импульс, неизбежный при реагировании на преступление, и трансформирует его в русло восстановительного воздействия. Эта амортизирующая функция возможна именно потому, что подсистема обладает собственной идентичностью – она не растворяется в общей карательной парадигме, а противопоставляет ей воспитательный императив.

Соответственно, любое размывание этой идентичности (а именно это происходит при механическом снижении возраста ответственности или неадаптированном переносе общих институтов) чревато утратой системой ее главного качества. Обоснование автономии ювенальной подсистемы – не проявление «либеральной снисходительности», а на практике прагматичный способ противодействия рецидиву. Сохранить и укрепить «систему в системе» значит инвестировать в долгосрочную безопасность общества, а не потворствовать сиюминутным и необоснованным карательным решениям.

Автономия здесь является не надуманной привилегией, а гарантией устойчивости. Подсистема встроена в общее уголовное право, но именно ее специфика служит внутренним противовесом, не дающим карательному уклону возобладать. Разрушение этой обособленности через унификацию наказаний, отказ от воспитательных механизмов или бездумное копирование общеуголовных институтов означает слом реально работающего механизма, который, как

показывает практика, сдерживает темпы репрессии даже в периоды общего ужесточения уголовной политики.

Заключение

Концепция «системы в системе» не является попыткой искусственно вывести несовершеннолетних из-под действия общих правил, а признание объективной реальности: внутри уголовного права сложился особый функциональный контур, который работает по иным законам. Отрицать его самостоятельность – значит не просто игнорировать научные доводы, но и сознательно демонтировать один из немногих встроенных во всю систему предохранителей, уберегающих уголовную политику от перехода к чистому возмездию, тем более к детям. Практическая задача состоит не в том, чтобы доказывать автономию ради автономии, а в том, чтобы последовательно достраивать ее институциональность, превращая формальную подсистему в полноценно работающий ресоциализационный механизм.

Таким образом, за спором о правовой природе ювенальных наказаний скрывается нечто более серьезное, чем выбор между терминами «подсистема» или «изъятия». Речь идет о способности государства выстроить осмысленную, а не ситуативную политику в отношении подростковой преступности. Пока воспитательная функция остается лишь декларацией, не подкрепленной ни специализированными институтами, ни инфраструктурой, ни собственной системой постпенитенциарного сопровождения, любое ужесточение или смягчение будет лишь колебанием маятника, не меняющим сути. Автономия системы наказаний несовершеннолетних не самоцель, а условие, при котором она перестает быть пассивным слепком с общей карательной модели и превращается в полноценный механизм, способный удержать подростка от повторного преступления, а общество от бесконечного воспроизводства рецидива. Именно в таком качестве «система в системе» обретает не только доктринальную, но и реальную практическую ценность.

Библиография

1. Восканян Р. О. Решение проблемы нехватки квалифицированных кадров // Инновационное развитие экономики. 2021. № 4(64). С. 63-68.
2. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/?id=79>.
3. Киселева Е. С. Система уголовных наказаний для несовершеннолетних по российскому и зарубежному законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 211 с.
4. Кузнецова Н. Ф. Система наказаний // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2 / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. 400 с.
5. Милоков С. Ф. Российская система наказаний / науч. ред. проф. Б. В. Волженкин. СПб., 1998. 47 с.
6. Новиков Р. В. Назначение наказания несовершеннолетним в современных условиях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 217 с.
7. Орлов В. Н. Применение и отбывание уголовного наказания : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 605 с.
8. Подройкина И. А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2017. 498 с.
9. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундукова. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2003. 648 с.
10. Якушин В. А. Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. СПб.: ГКА, 2007. 798 с.

Features of the Legal Nature of the System of Criminal Penalties for Minors

Aleksandra A. Kosareva

Postgraduate Student,
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
117638, 2, bldg. 1, Azovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sashaveros@yandex.ru

Abstract

The article examines the legal nature of criminal penalties applied to minors. The approach that reduces them to a simple set of exemptions from the general system of penalties is criticized. Based on a systemic approach that recognizes the dualism of static and dynamic projections of punishment, it is substantiated that the norms on the liability of minors form an autonomous functional subsystem. Its key system-forming feature is the priority of the educational and resocialization function over the punitive one. This theoretical conclusion is supported by an analysis of empirical data from judicial statistics, as well as historical experience demonstrating the risks and the likelihood that the correctional function may remain a declaration. It is asserted that the recognition of the autonomy of the subsystem of criminal penalties for minors is a necessary prerequisite for further differentiation of measures of criminal-legal influence and a change in the criteria for evaluating its effectiveness. Autonomy acts as a "legal shock absorber" that restrains the punitive bias, and its strengthening requires its own institutions, including a special procedure for early expungement of a criminal record and mechanisms for "oblivion" of information about it.

For citation

Kosareva A.A. (2026) *Osobennosti pravovoy prirody sistemy ugolovnykh nakazaniy dlya nesovershennoletnikh* [Features of the Legal Nature of the System of Criminal Penalties for Minors]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 611-618. DOI: 10.34670/AR.2026.58.81.074

Keywords

Minors, criminal penalty, system of penalties, autonomous subsystem, resocialization, judicial statistics.

References

1. Judicial Statistics Data. (2026). *Official Website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation*. Retrieved from <https://cdep.ru/?id=79>
2. Kiseleva, E. S. (2018). *Sistema ugolovnykh nakazaniy dlya nesovershennoletnikh po rossiyskomu i zarubezhnomu zakonodatelstvu* [The system of criminal punishments for minors under Russian and foreign legislation]. Candidate of Sciences dissertation. Saratov.
3. Kuznetsova, N. F. (1999). *Sistema nakazaniy* [The punishment system]. In N. F. Kuznetsova & I. M. Tyazhkova (Eds.), *Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast* (Vol. 2). Moscow.
4. Milyukov, S. F. (1998). *Rossiyskaya sistema nakazaniy* [The Russian punishment system] (B. V. Volzhenkin, Ed.). St. Petersburg.
5. Novikov, R. V. (2010). *Naznachenie nakazaniya nesovershennoletnim v sovremennykh usloviyakh* [Sentencing of minors in modern conditions]. Candidate of Sciences dissertation. Moscow.

-
6. Orlov, V. N. (2015). *Primenenie i otbyvanie ugodovnogo nakazaniya* [Application and serving of criminal punishment]. Doctor of Sciences dissertation. Moscow.
 7. Podroikina, I. A. (2017). *Teoreticheskie osnovy postroeniya sistemy nakazaniy v ugodovnom zakonodatelstve Rossii* [Theoretical foundations of constructing the penalty system in the criminal legislation of Russia]. Doctor of Sciences dissertation. Rostov-on-Don.
 8. Sundurov, F. R. (Ed.). (2003). *Ugodovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast* [Criminal law of Russia. General part]. Kazan: Kazan University Press.
 9. Voskanyan, R. O. (2021). Reshenie problemy nekhvatki kvalifitsirovannykh kadrov [Solving the problem of the shortage of qualified personnel]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 4(64), 63-68.
 10. Yakushin, V. A. (2007). *Entsiklopediya ugodovnogo prava. T. 8. Ugodovnaya otvetstvennost i nakazanie* [Encyclopedia of criminal law. Vol. 8. Criminal liability and punishment]. St. Petersburg: GKA.